ное известие (свод 1547 г. — по определению А. Н. Насонова), не может рассматриваться как памятник феодально-сепаратистской идеологии: перед нами летопись, стоящая на почве безусловного признания великокняжеской власти, но враждебная к московским кормленщикам — наместникам;[5] памятник, отражающий воззрения тех самых городских кругов, которым так мало посчастливилось на страницах труда А. Стендер-Петерсена.

Весьма односторонне охарактеризовав «Сказание о князьях владимирских», А. Стендер-Петерсен почти совсем не коснулся других легендарно-исторических памятников, дававших обоснование идеи «московского царства». Он указал только, что «представления о третьем Риме и Повести о Вавилонском царстве образуют фон, на котором надо рассматривать труд Пахомия («Сказание о князьях владимирских»)» (181). Однако послания Филофея о третьем Риме были написаны (как доказал уже В. Малинин) не ранее XVI в.[6] а в цикле «Повестей о Вавилоне» место о царских регалиях, действительно перекликающееся со «Сказанием о князьях владимирских», представляет собой явную интерполяцию XVII в.[7] Изучение памятников идеологии Русского централизованного государства, действительно относящихся к концу XV в., показало бы автору, что идеи независимого и единого «московского царства» возникли, как это ни парадоксально, в тех самых кругах, с которыми, по его словам, боролась антигуманистическая и антиеретическая «великомосковская идеология».

Чрезвычайно односторонний подход к литературе XV—XVI вв. затруднил для автора и характеристику литературы XVII в., занимающей особенно важное место в его построении. В этом отношении заслуживает внимания один любопытный хронологический сдвиг, обнаруживающийся в рецензируемой книге. Только в одном из последних параграфов своего повествования о «московском периоде», рассказав об основных памятниках литературы XVII в. и говоря об «отечественных корнях» русского романа, А. Стендер-Петерсен вспоминает о «Житии Петра и Февронии» — памятнике, возникшем не ранее середины XVI в., отмечая «реалистические воззрения» его автора и связь этого памятника с народными сказаниями (309—310). А. Стендер-Петерсен считает автором этого произведения писателя-публициста первой половины XVI в. Ермолая-Еразма,[8] но он ничего не говорит о других произведениях этого писателя и о его месте в литературе своего времени. Если бы автор рассказал об этом памятнике и о многих других памятниках, никак не подходящих к его представлению о «пышном византинизме» русской литературы XV—XVI вв., в соответствующем месте книги, то более подготовленным и понятным стал бы для читателя и перелом в литературе XVII века.

---

[5] Псковские летописи, вып. 1. Подготовил к печати А. Н. Насонов. М.—Л., 1941, стр. 92—97. Ср.: А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания. — ИЗ, 1946, т. 18, стр. 268—270; Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, стр. 86—95.

[6] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, стр. 374—383. Ср.: Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова..., стр. 152—154.

[7] М. О. Скрипиль. Сказание о Вавилоне граде. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 128—129.

[8] Следует отметить, что вопрос об авторстве Ермолая-Еразма является спорным в литературе; ряд авторов относит этот памятник к XV в. и еще теснее связывает с фольклором: М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 131—167; Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 104—108. Ср.: А. И. Клибанов. Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли. — ИЗ, 1959, т. 65, стр. 303—315.